

С. Б. Адоньева S. B. Adonjeva
(Санкт-Петербург) (Saint Petersburg)

**Ритуал Крестной Славы
и патриархальный
порядок:
антропологический этюд** **Ritual the Glory of the
Cross and Patriarchal
Order: Anthropological
Essay**

Аннотация

Рассмотрение сербского праздника Крестной Славы с точки зрения воспроизводства мужского старшинства и главенства, роли ритуала в сохранении и изменении патриархального порядка в Сербии и России.

Ключевые слова: социальная функция ритуалов, семейные праздники, мужское старшинство и главенство, сербский ритуал крестной славы, ритуал и национальная политика

Abstract

Description of the Serbian ritual of the Cross Glory from the point of view of the reproduction of male seniority and leadership, the role of the ritual in maintaining and changing the patriarchal order in Serbia and Russia.

Keywords: Social function of rituals, family celebrations, male seniority and supremacy, Serbian ritual the Glory of the Cross, family ritual and politics

От всех прочих повседневных повторяющихся действий — труда, совершения покупок, учебы, отпусков и досуга — ритуалы отличаются тем, что в них отсутствует очевидный практический смысл. И вместе с тем для исполнителей ритуала они имеют особую значимость. Посредством совершения ритуала люди подтверждают свое согласие с определенным социальным порядком, и, вместе с тем, заново утверждают этот порядок¹. Такое совместное повторяющееся действие делает мир предсказуемым, а взаимодействия — согласованными. Главным фактором, который определяет необходимость воспроизведения ритуала, становится время. Человеческие отношения и смыслы, которые заложены в основу группы, — родство, верность общим идеалам и святыням, отношения иерархии и паритетности — должны быть регулярно артикулированы в совместном действии. Участие в ритуале — подтверждение принадлежности группе, а также подтверждение своего места в ее структуре. Посредством семейных праздников мы артикулируем себя как семью, а каждого из членов семьи — как лица, занимающего определенное место в ней. Эта практика обеспечивает отношения дол-

¹ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.

га между старшими и младшими, главенствующими и подчиняющимися, надеждами благами и принимающими их. В фокусе данной статьи одна из сфер «работы» ритуала: отношения мужского семейного старшинства и главенства. Предметом моих полевых наблюдений, интервью и последующих размышлений стал обычай празднования Крестной Славы в современной Сербии и Черногории (2015–2017 — Черногория, Сербия, 2019 — Сербия). И прежде чем обратиться к его описанию, я представлю тот исторический контекст, который определил мой интерес к этому обычаю.

В исследовании, которое мы проводили с Лорой Олсон, мы рассматривали роль фольклора в динамике социальных изменений, произошедших в русской деревне XX в.² Одним из центральных был вопрос о статусе старшинства — «большины»: каков был этот статус до коллективизации и изменения уклада деревни и каким он стал к концу прошлого века. В дореволюционной деревне за поведение членов семьи, за материальное благосостояние хозяйства перед властями и общиной отвечали большаки-домохозяева. Статус большины был артикулирован множеством ритуалов: святочные величания хозяйскому двору, дожиночные «завивания бороды», свадебные величания гостям-хозяевам. Посредством этих ритуальных действий общество признавало и величало статус большака-хозяина. Большаки были объектом ритуального действия. Например, жительница Пинежского района 1912 г. р. рассказывала: «Весной праздновали обсевно. Собирались, варили пиво. Осенью — бородно. Кто первый сожнёт, к тому бегут, выют у снопа бороду. Вьют у каждого крестьянина, когда всё сожнёт. Поют песню столько раз, сколько человек в семье.

Уж мы вьём, вьём бороду,
Завиваем бороду.
У Ивана на поле,
У Филипповича да на широком.
Да на нивы великое.
Да на полосе широкое»³.

Ритуалы начала сева и косьбы, волочебные ритуалы, напротив, инициировали и осуществляли сами большаки. Позиция большака как распорядителя и главы дома была подтверждена и правом, и обычаем.

Отношения между членами семьи разных поколений значительно изменились в советские годы. Советская власть разрушила мужскую возрастную иерархию: большаки перестали быть главами семейств. Опытные и успешные хозяева (или, как они именовались советской властью, кулаки) должны были быть ликвидированы «как класс», порядок большины как передаваемого от старшего члена

² Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М., 2016.

³ Фольклорный архив СПбГУ, Архангельская коллекция, Пинежское собрание, Пин18-2. Запись 1984 г.

семьи к младшему главенства был разрушен. Те, кого местные власти признали кулаками, были с позором изгнаны из своих домов, лишены имущества и отправлены в отдаленные районы страны. В период коллективизации было «раскулачено» более миллиона крестьянских семейств (от пяти до шести миллионов людей); главы хозяйств были репрессированы (многие из них — расстреляны), их семьи — высланы. Был разрушен институт схода, который состоял из большаков и был органом управления деревни. Сход заменил сельский совет и колхозная система управления, которая контролировала коллективизированные хозяйства⁴. Те, кто проводил коллективизацию, не были большаками: они не прошли тот жизненный сценарий, который предполагался для мужчин-крестьян. Они были призваны на Первую мировую войну парнями и молодыми мужиками, еще не ставшими главами крестьянских дворов. Вернувшись в деревню, они действовали в интересах советской власти, а не в интересах векового хозяйства своего рода. Столкнуть молодых со старшими было приоритетной задачей режима, что становится очевидным из разницы в обращении с главами хозяйств и их семьями: большаков расстреливали или отправляли в тюрьму, семьи же высылали, и они могли впоследствии вернуться. Семьи молодых мужчин, как правило, не трогали. Также бывали случаи, когда сыновей кулаков не высылали благодаря их активному участию в производственной или партийной деятельности⁵. Многие молодые мужчины активно участвовали в коллективизации и выступали против своих семей, а значит, в первую очередь — против своих отцов. Группы «передовой» молодежи могли принимать решения, связанные с раскулачиванием: «Борисоглебские комсомольцы в процессе раскулачивания ликвидировали несколько батрацких хозяйств за то, что дочери хозяев вышли замуж за кулацких сыновей»⁶. Комсомольцы, а это — молодые люди, репрессируют старших мужчин — большаков. М. О. Чудакова описывает ситуацию кризиса возрастных иерархий в Советской России шире, относя ее ко всем социальным слоям: «Вскоре после военной победы большевиков в Гражданской войне <...> обозначилось поколение „бывших“. Как правило, это были не очень молодые люди (успевшие обзавестись к 1917 г. семьей и достатком), оставшиеся, в отличие от немалой части своих ровесников, после Гражданской войны в России. Напротив, те, кто вступали в права наследования Россией, были преимущественно молодыми (за исключением малой части профессиональных революционеров). Та часть молодого поколения, которая сражалась против Красной армии, в основном покину-

⁴ Голембо С. Я., Евтихьев И. И., Лепешкин А. И. и др. Очерки по истории органов советской государственной власти: Материалы к изучению истории советского государства и права. М.: Госюриздат, 1949; Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996.

⁵ Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996, P. 82–87.

⁶ Lindner P., Nikulin A. “Everything Around Here Belongs to the Kolkhoz, Everything Around Here Belongs to Me”: Collectivism and Egalitarianism; A Red Thread through Russian History? // Europa Regional. 2004. 12 (1). P. 32–41.

ла Россию; оставшиеся по большей части погибли при установлении советской власти либо позже. Если молодой мужчина не был в шинели красноармейца, вставал неминуемый вопрос — где он был в годы войны. Вообще костюм приобрел формообразующее значение: тип одежды (френч и кожанка или „остатки прежней роскоши“, сразу ставившие их носителя под сомнение) помещал и перемещал человека в то или иное поколение. Таким образом, в пореволюционном российском городском обществе наиболее четко выделялись старшее поколение „бывших“ („недобитых белогвардейцев“ и „недорезанных буржуев“, „бывших“ князей, графов и т. п.), перед которыми стояла задача не передачи культурной традиции, а мимикрии к новому социуму, и молодое поколение, которому принадлежало настоящее и будущее России. Так возникло общество, в котором естественная связь между одновременно живущими поколениями была пресечена, передача традиции отменена. Молодое поколение само создавало новые условия своего функционирования, иногда перепоручая эту работу самым молодым (пионерские рейды со списком требований к политически незрелым или недобитым старшим). Разрыв связей между поколениями, трещина между ними прошла, все увеличиваясь, по всем сферам социальной жизни, вплоть до языка. К концу 1920-х гг. Е. Поливанов констатировал, что можно уже определять „язык среднего обывателя 1913 г. и, с другой стороны, язык современного комсомольца — не как разных два диалекта, а как два разных языка“⁷.

Советский социальный порядок разрушил систему переходных ритуалов, которые обеспечивали мужчине постепенное вхождение в зрелость и старшинство. Такими ритуалами были проводы в армию, женитьба, принятие в мужскую артель (например, рыболовную), выход на большинство и участие в сходе. К советским поколениям успешно перешли модели поведения, свойственные парням: нормой поведения взрослого мужчины стала ориентация на ценности коллектива, ответственность перед своей группой, риск и агрессия⁸. Социальные институты, которые обеспечивали переход мужчины к статусу старшинства, к концу XX в. в России оказались в значительной степени разрушенными: мужское главенство в семье и роде перестало быть очевидным. Старший мужчина в семье необязательно главный.

На этом фоне праздник Крестной Славы у южных славян, которые после Второй мировой войны проживали сходную с жителями СССР судьбу, оказавшись в составе Федеративной Республики Югославия, предстает институтом воспроизводства тех социальных связей и отношений, которые, казалось бы, должны были распасться в условиях социалистического строя. Ритуал Крестной Славы, как я постараюсь показать, сохраняет и поддерживает порядок мужского главенства в семье и роде.

⁷ Чудакова М. О. Заметки о поколениях в советской России // НЛО. 1998. № 2 (30). С. 30.

⁸ Кон И. С. Маскулинность как история // Гендерный калейдоскоп / под ред. М. М. Малышевой. М.: Академия, 2002. С. 209–229.

Крестная Слава в том виде, в котором она празднуется сейчас, не очень значительно отличается от обычая, который наблюдали этнографы в конце XIX в.: «В отличие от большинства обычаев, общих для целого народа, каждая семья имеет своего святого, в честь которого празднуется Слава. Святой наследуется сыновьями от главы семьи — обычно отца. Дочери наследуют Славу, если остаются в семье; замужние женщины обычно отмечают Славу мужа. Если семья сына переселяется далеко, то с разрешения отца сын может отмечать Славу в своем доме. Иначе же, пока жив глава семьи, сыновья отмечают Славу в его доме. Каждая семья празднует одну или две Славы в год, в зависимости от святого (поскольку некоторым святым посвящены два дня в году). Но только один день, в который устраивается праздничный ужин — основной. Другой день носит название „малая слава“ или „Преслава“»⁹.

Описаний современного праздника Крестной Славы у сербов и черногорцев много: обычай включен в реестр объектов нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Для наших целей я опишу его в общих чертах и остановлюсь на том, что мне представляется важным с точки зрения реализации порядка старшинства.

По рассказам моих сербских и черногорских собеседников, только один из членов большой семьи (необязательно старший из братьев, но тот, кому отец эту миссию передал) принимает на себя труд и честь быть устроителем праздника. Таким образом, мы видим, что сохраняется правило передачи старшинства в родо-семье. Семья собирается в его доме, чтобы почтить небесного покровителя того своего предка, который первым в роду принял христианство. Так мы сегодня можем узнать, что много веков назад предка семьи нарекли христианским именем Николай, Георгий или Михаил. «Начало истории той или иной людской совокупности, народности или семьи единоверцев, — писал Томас Манн, — определяется условной отправной точкой, и хотя нам отлично известно, что глубины колодца так не измерить, наши воспоминания останавливаются на подобном первоисточке, довольствуясь какими-то определенными, национальными и личными, историческими пределами»¹⁰.

Обычай Крестной Славы именно таков: он удерживает связь предка рода и святого, делая их сакральными адресатами праздника. Устроителем Славы является *домаћин*, глава семьи, хозяин. Старший мужчина предстоит перед небесным покровителем рода и предками от имени всех живых членов семьи. Он — посредник, он совершает основные обряды, в его доме устраивается трапеза, он принимает поздравления. Приготовления к празднованию начинаются с приглашения священника. Священник приходит в дом, где будет проходить Слава, и в присутствии всей семьи совершает обряд освящения воды. После читается молитва святому покровителю с просьбой о благополучии семьи. В течение все-

⁹ Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем / Типография Императорской Академии наук. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1902. С. 209.

¹⁰ Манн Т. Иосиф и его братья. М.: Мюнхен, 2004. С. 9.

го дня идет подготовка к праздничной трапезе, печется *славски колач*, варится жито. Накануне Славы семья посещает могилы родителей. В день Славы *домачин* отправляется в церковь освятить свечу, славски колач, жито и вино. В церкви совершается заказной молебен о здравии живых и об упокоении душ усопших членов рода, для чего устроитель приносит в церковь хранящийся у него *помянник*. Этот факт позволяет понять, что роль хранителя семейной памяти (всех имен живых и мертвых рода, записанных в помяннике) в южнославянской традиции осталась за старшим мужчиной. Роль старшего мужчины как молитвенного предстоятеля за семью не просматривается ни по материалам советской и постсоветской русской деревни, ни тем более по материалам советского и постсоветского города¹¹.

Славски колач печет хозяйка, используя для него деревянную печать (которая используется только для пропечатывания колача, так же как в русских семьях используется пасочница — только раз в году, на Пасху). Жито готовится из сваренных цельных зерен пшеницы с добавлением сахара и молотых орехов. На праздничном столе устанавливается освященная в церкви высокая полуметровая свеча. Когда вся семья соберется, хозяин ее зажигает. Она должна гореть до конца праздничной трапезы, в знак окончания праздника хозяин тушит ее, заливая вином. Пока горит славская свеча, т. е. на протяжении всей праздничной трапезы, хозяин должен оставаться на ногах. Трапеза начинается с того, что хозяин поливает колач красным вином и отламывает кусок каждому из присутствующих членов семьи. Так происходит славское причащение хлебом и вином. За старшим мужчиной в роде сохраняется роль жреца, предстоящего перед святым и причащающего всех членов семьи священной трапезе. Он обеспечивает сакральную связь прошлого (предков), вечного (святого покровителя) и настоящего в акте семейного ритуала. Если мы попытаемся найти аналогию этому жесту в русской традиции, то увидим, что этим правом-долгом теперь (и, судя по нашим полевым материалам, с 1930-х гг.) обладает старшая женщина: она готовит поминальную трапезу, угощает всех, кто собирается в поминальный день на могиле родителя, она подносит поминальную рюмку водки¹².

На празднование Славы приглашать не принято: все, кому должно участвовать в этом празднике, знают об этом и к нему готовятся. Женщины участвуют в Крестной Славе своих мужей, те, которые не вышли замуж, в Крестной Славе своих отцов или братьев. Таким образом, посредством ритуала поддерживается принцип мужского старшинства и порядок иерархии семьи. Можно предположить, что сохранение патриархального порядка, так разительно, на наш взгляд, отличающегося от того, что мы наблюдаем в современной России, имело под собой

¹¹ Исключением являются устоявшие в своих традициях редкие религиозные семьи (например, староверы).

¹² *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М., 2016. С. 324–355.

определенные экономические основания. Главенство в роде предполагало главенство в доме, а для этого нужен свой дом и земля, к нему принадлежащая — домохозяйство. В русской истории такая социально-хозяйственная единица называлась крестьянским двором (дом, хозяйственные постройки и приусадебный участок). Тотальная коллективизация и раскулачивание в СССР сломали конструкцию отношений дом-усадебка и его хозяин — глава семьи. В Югославии тотальной коллективизации не было: частная собственность крестьян на дом и землю (с определенными ограничениями — до 10 гектаров на семью) была сохранена.

Наряду с экономическими были и идеологические основания для сохранения этого семейного праздника. Традиция празднования Крестной Славы среди южных славян, принявших христианство, пережила времена владычества Османской империи, служа формой внутреннего сопротивления исламизации, на что обращали внимание исследователи¹³. Она оставалась формой внутреннего сопротивления и в советское время, так как служила связи семейного уклада с церковным обычаем. Но, с другой стороны, представляется очевидным, что этот обычай служил инструментом поддержания порядка внутренней семейно-родовой иерархии. Институт Крестной Славы пережил и советские времена: порядок старшинства в роду остался сохраненным. И это то, что существенно отличает семейные порядки сербов и черногорцев от семейного порядка современной России. И то, что не смогли сделать ни турки, ни коммунисты, удается делать властям, ратующим за возрождение славянских традиций. Патриархальный порядок семьи-рода транспонируется на социальные, территориальные и политические группы, которые, очевидным образом, должны выстраиваться в иные иерархии¹⁴: «Сегодня своя Слава в Сербии есть не только у каждой семьи, но и у каждого города и села, у каждой церкви и школы, у каждого учреждения и даже у каждой уважающей себя политической партии»¹⁵.

Но кто домачин в партии или в городе? Имеет ли глава партии или мэра право представительства перед небесным покровителем?

Настоящий текст был представлен в виде доклада на конференции, посвященной памяти Виктора Евгеньевича Гусева, его не следует считать полноценным исследованием: оно требует иных временных затрат. Скорее — это сравнительное наблюдение, позволяющее ухватить отношения порядка ритуала и социального порядка в их исторической динамике.

¹³ Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем / Типография Императорской Академии наук. Т. II. Ч. 2. СПб., 1902. С. 209–210.

¹⁴ Благодарю Милана Владисавлевича за помощь в поисках сербских источников, освещающих новые традиции Сербии, Юлию Владисавлевич и Зорана Татовича за помощь в проведении интервью.

¹⁵ См. Gradska slava – Spasovdan: http://www.beograd.rs/lat/upoznajte-beograd/1216-gradska-slava--spasovdan/?fbclid=IwAR2XY5-t5OpWZHrXgg9zo_iPOj--fU0LHbrFKvDI70sTsuWvwCTI-dredD4. — Дата обращения 27.05.2019; Gradski odbor Socijalističke partije Srbije proslavio slavu Đurđevdan: <https://www.tv4s.rs/gradski-odbor-socijalisticke-partije-srbije-proslavio-slavu-djurdevdan>. — Дата обращения 27.05.2019; Slave u Srba — od partija do institucija: <https://www.slobodnaevropa.org/a/1331355.html>. — Дата обращения 27.05.2019.

Литература

- Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Голембо С. Я., Евтихьев И. И., Лепешкин А. И. и др.* Очерки по истории органов советской государственной власти: Материалы к изучению истории советского государства и права. М.: Госюриздат, 1949.
- Кон И. С.* Маскулинность как история // Гендерный калейдоскоп / под ред. М. М. Малышевой. М.: Академия, 2002. С. 209–229.
- Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М., 2016.
- Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем / Типография Императорской Академии наук. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1902. С. 209.
- Чудакова М. О.* Заметки о поколениях в советской России // НЛО. 1998. № 2 (30). С. 30.
- Lindner P., Nikulin A.* “Everything Around Here Belongs to the Kolkhoz, Everything Around Here Belongs to Me”: Collectivism and Egalitarianism; A Red Thread through Russian History? // Europa Regional. 2004. 12 (1). P. 32–41.
- Viola L.* Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996.